

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Среди эпиграфических памятников Херсонеса есть фрагмент мраморной плиты с остатками сильно поврежденной греческой надписи (ГХМ, инв. № 3359). Никаких сведений о времени и условиях ее находки в архиве музея обнаружить не удалось. В. В. Латышев сделал копию надписи еще в 1883 г., когда плита находилась в монастыре, и издал ее со своими дополнениями в разделе надгробий (IRE, I², 451).

По аналогии с хорошо датированными декретами этот памятник можно отнести ко II в. н. э.¹

Не касаясь толкования всего текста, обратим внимание на собственные имена в первых строках, которые В. В. Латышев читал следующим образом:

2. ὁ δευτα]
Λουκίου καὶ Ἀρριανὸς τοῦ δεινός]
4. δῆσαν Κατιωνός]
α Κατιων и т. д.

Начало четвертой строки осталось непонятным, между тем, судя по имени в родительном падеже, там, вероятнее всего, было продолжение списка имен с указанием патронимиков. Обратившись вновь к подлиннику, мы, прежде всего, заметили, что буква, изображенная в издании как часть каппы, имеет сверху небольшое петлеобразное закругление (низ буквы сбит) и потому должна читаться как Р или В. Но замена первой буквы имени не помогает понять начало этой строки.

Тогда мы убедились, что нужно попробовать изменить разбивку слов, и действительно получили вполне убедительное чтение четвертой строки. Вместо δῆσαν [Κ] ατιωνός читаем δῆς Σαν[β] ατιωνός, где δῆς — обычное окончание имени, начало которого было в конце третьей строки.

В результате предложенных поправок удается выявить новое для Херсонеса имя Санбатсион. Это имя имело широкое распространение в римский период с разными вариантами согласной перед бетой — Саббатсион, Санбатсион, Самбатсион. Оно встречается в Афинах, Риме, греческих городах Малой Азии и Болгарии, а также на Боспоре и в Ольвии².

По мнению лингвистов, имя это семитического происхождения и относится к группе имен, восходящих к названиям дней недели, от слова «суббота»³.

Имя Санбатин, иудейское по происхождению, было заимствовано греками и римлянами. В приведенной надписи из Рима текст на еврейском языке и изображение семисвечника; в латинской надписи из Болгарии имя Санбатин сочетается с иудейскими именами; на Боспоре оно встречается в списках членов религиозного фиаса в честь Бога высочайшего⁴.

Некоторые полагают, что мода на это имя со времени Юстиниана объясняется тем, что оно входило в полное имя императора: *Flavius Petrus Sabbatius Iustinianus* — образец смешения имен разного происхождения (Петр — греческое, Саббатий — иудейское, Флавий и Юстиниан — латинские)⁵.

В надписи из Херсонеса из-за ее фрагментарности нет возможности убедительно решить вопрос об этнической принадлежности Санбатина. Другие имена в ней римские (Луций и Арриан), но обычай ставить римское имя в качестве патронимика — греческий.

Обращает лишь на себя внимание формула всей надписи, не имеющая аналогий в Херсонесе. Если В. В. Латышев правильно определил ее характер как эпитафии с перечнем группы должностных лиц, обязанных заботиться о гробницах, то можно предположить, что это члены религиозного фиаса, хоронившие своего сочлена.

Описывая религиозные распри и трудности насаждения христианства в Херсонесе, жития херсонесских епископов, кроме греков-язычников, неизменно называют среди врагов христианства иудеев, видимо, составлявших определенную силу в этой борьбе. Жития (как и вся агиографическая литература) дают, конечно, тенденциозные описания и повествуют о разных чудесах, однако восходят в своей основе к местным хроникам.

Согласно этому источнику, при Диоклетиане в Херсонес для распространения христианства из Иерусалима послали Василия, который был убит жителями; в этой борьбе принимали участие и иудеи. Когда на смену ему прибыло три новых миссионера — Евгений, Агафород и Елпидий, число христиан в городе стало увеличиваться, но «дьявол начал вооружать» против них иудеев и эллинов, которые их убили. При описании деятельности епископа Капитона, посланного туда при Константине, также упоминаются жившие в городе иудеи⁶.

В первые века нашей эры в Малой Азии, Фракии и других областях получил распространение синкретический культ Бога высочайшего, в котором прослеживаются греческие, иудейские, фрако-македонские и другие влияния.

Немалую роль играли религиозные союзы почитателей Бога высочайшего и на Боспоре, в которых участвовали этнически разнородные элементы⁷. Два фрагмента надписей из Херсонеса пер-

вых веков нашей эры были, по всей видимости, также посвящены этому богу⁸.

Такой же синкретический характер носили так называемые аб-расакс-геммы, отражающие различные греко-римские и восточные представления, связанные с культом гностиков. Подобные геммы, в частности с изображением змееногого существа с головой петуха и греческой надписью Иао на щите (в ней скрывалось имя бога Яхве), были найдены и в Херсонесе, куда, по мнению Н. В. Пяташевой, занесены иудеями из Малой Азии⁹.

Среди анэпиграфных памятников Херсонесского музея следует назвать две плиты с изображениями, впервые встречающимися в Херсонесе.

Одна из них была обнаружена в 1956 г. при раскопках В. В. Борисовой южного участка некрополя, перекрывшего гончарные мастерские¹⁰. Могилу № 2 с материалом эллинистического

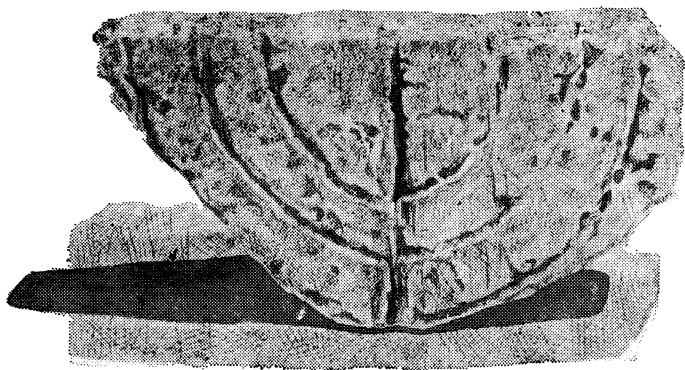

Рис. 1. Фрагмент плиты из обкладки могилы 2

времени перерезал более поздний резервуар, в стенке которого и была вторично использована данная плита (рис. 1). Она выполнена из желтоватого местного известняка, низ и частично боковые стороны оббиты; лицевая сторона грубо обработана, на обратной — следы розоватого раствора. Ее полная ширина 63 см, высота 36,5, толщина 7—10 см.

Всю поверхность плиты занимает грубо вырезанное изображение, представляющее собой семисвечник. Поскольку нижняя часть камня не сохранилась, нельзя установить, сопровождалось ли изображение какой-нибудь надписью.

Вторая плита была вынута Е. Н. Жеребцовым из нижнего ряда фундамента абсиды базилики 1935 г., где ее вторично использовали в качестве строительного материала¹¹. В отличие от первой плиты она выполнена весьма тщательно из плотного жел-

того известняка сарматского яруса — местного материала, широко использовавшегося в Херсонесе начиная с эллинистического времени.

Правильный прямоугольник со срезанными передними углами имеет высоту 27 см, ширину 33, толщину 15—18 см. Лицевая и боковые стороны хорошо сглажены, по верхнему краю три стороны имеют срезы (фаски), придающие блоку изящный и законченный вид.

В центре плиты глубоко вырезан семисвечник на подставке, упирающейся в самый край плиты (рис. 2). Средний стержень имеет волнообразную линию, остальные гладкие, с расширяющимися чашечками на концах; все желобки аккуратно заглажены. По обе стороны от семисвечника расположено еще два изображения, выполненных четкой контурной линией: слева — пальмовая ветвь, справа — изогнутый рог, украшенный рядом точек.

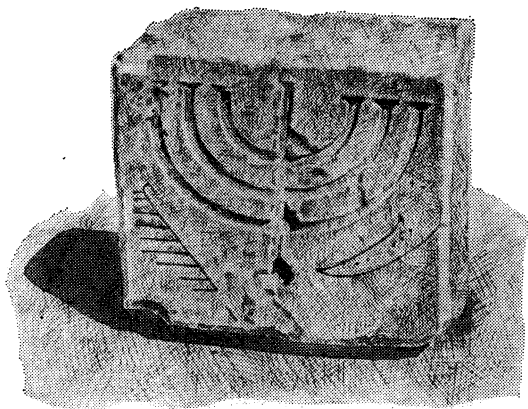

Рис. 2. Плита, вторично использованная в кладке базилики 1935 г.

Обе плиты не поддаются точной датировке, но должны быть отнесены, скорее всего, к римскому или раннесредневековому времени, т. е. примерно к тому же периоду, что надписи с именем Санбатина и Бога высочайшего, а также упомянутые сообщения нарративных источников о первых христианских миссионерах в Херсонесе. Обилие таких памятников в различных районах древнего мира¹² (встречаются они и на Боспоре¹³) позволяет подобрать наиболее близкие аналогии и поставить вопрос об их назначении.

Изображения на этих плитах принадлежат к иудейской религиозной символике и восходят к глубокой древности. Семисвечник в форме симметричного семиствольного дерева толкуется как символ сотворения мира в семь дней (причем средний ствол олицетво-

ряет субботу), а в связи с изображением его на надгробиях сопоставляется с библейским изречением: «Душа человека — светильник господа»¹⁴. Изогнутый рог или труба (schofar) — это символ воскресения мертвых, связанный с верой в приход Мессии, о котором возвестят трубным гласом¹⁵. Пальмовые ветви (lulab) обычно носили в торжественных процессиях по случаю побед и во время религиозных праздников кушей¹⁶. Но изображение пальмовой ветви встречается также на стенах иудейских катакомб в Риме и на многих надгробных плитах¹⁷. Греко-римский мир заимствовал на Востоке символику пальмовой ветви, награждая ею победителей, а также вырезая на надгробных памятниках как символ победы над смертью¹⁸.

Плиты с подобными изображениями часто сопровождаются греческими, латинскими, еврейскими и другими надписями (встречаются и билингвы), но они бывают и анэпиграфными¹⁹. Сочетание трех символов с аналогичным расположением имеется на большой группе надгробных памятников²⁰.

Херсонесские плиты, вероятно, также были надгробными, хотя вторая могла быть использована для украшения внутри храма²¹.

При исследовании базилики 1935 г. обнаружено много фрагментов штукатурки с процарапанными надписями-граффити на греческом и еврейском языках²². Задача гебраистов и специалистов по греческой эпиграфике — всестороннее изучение этих надписей в сочетании с другими видами источников, но уже сейчас удалось прочитать написанные по-гречески имена Енох и Иуда и этников иудей.

В Херсонес, как и на Боспор, большинство иудеев, вероятно, прибыло вместе с другими переселенцами из Малой Азии, где они были эллинизованы и широко пользовались греческим языком и письмом.

В надписях Херсонеса первых веков нашей эры встречаются преимущественно греческие имена, но есть римские (их больше, чем в других городах Северного Причерноморья)²³, фракийские, иранские (связанные в основном со скифами и сарматами), малоазиатские, кельтские и др.²⁴

Имена Санбатсион, Енох и Иуда вносят новый элемент в ономастикон Херсонеса. Кроме того, в связи с рассмотренными памятниками появляется возможность со значительно большим доверием отнестись к сообщениям житий херсонских епископов о религиозной борьбе в Херсонесе и по-иному объяснить некоторые восточные влияния, например монотеистических религиозных учений, магии и астрологии, которые, видимо, не только «импортировались» купцами, чиновниками и легионерами из Малой Азии, Фракии, Мезии и стран Востока, но и непосредственно заимствовались от проживавших в городе переселенцев восточного происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973, с. 275, палеографическая таблица.

² Creaghan J. S. and Raubitschek A. E. Early Christian Epitaphs from Athens.—*Hesperia*, 1947, N 16, 1, p. 42; CIG, 4.8912 (Вифиния); 9910

(Рим); Beševliev V. Spätgriechische und spätleitische Inschriften aus Bulgarien. Berlin, 1964, N 7; IPE, I², 136 (Ольвия); Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965, указатель, с. 869; Кругликова И. Т. Новые эпиграфические памятники из Горгииппии.—ВДИ, 1967, 2, № 9, с. 18—19.

³ Preisigke F. Namenbuch. Amst., 1967; Kajanto I. Acta Instituti Romani Finlandiae. Helsinki, 1963, Bd. 2, 1, s. 107; Zgusta L. Die Personennamen griech. Städte der nördl. Schwarzmeerküste. Praha, 1955, § 740.

⁴ Ср. также надгробие Саббитис из Варны, отнесенное В. Бешевлиевым к сирийским (Бешевлиев В. Един нов старохристиянски надпис от Варна.—Известия на народния музей Варна, 1969, 5, с. 232 сл.).

⁵ Creaghan J. S. and Raubitschek A. E. Early Christian Epitaphs..., N 13; Бешевлиев В. Проучвания върху личните имена у траките. София, 1965, с. 74.

⁶ Латышев В. Жития святых епископов херсонских. Спб., 1906; ИАК, 1907, № 23, с. 108—112; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 118.

⁷ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 433—438; Тачева-Хитова М. О культе ΘΕΟΣ ΥΨΙΣΤΟΣ на Боспоре.—ВДИ, 1978, № 1, с. 133—142. Ср.: Tatscheva-Hitova M. Dem Hypsistos geweihte Denkmäler in Thrakien.—*Thracia*, 1977, 4, с. 271—300.

⁸ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, № 84, 85.

⁹ Wunsch R. Antikes Zaubergefäß aus Pergamon.—*Jahresbuch des Deutschen arch. Instituts. B.*, 1905, Ergänzungsheft, 6, S. 35. (об имени Иао со ссылками на большую специальную литературу); Пятышева Н. В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I—IV вв. н. э.—В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 185; Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в северо-Pontийских городах позднеантичного времени.—ВДИ, 1973, № 1, с. 58 сл.; Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978, приложение, составленное О. Я. Неверовым, с. 165 сл.

¹⁰ Борисова В. В. Отчет о раскопках гончарных мастерских и некрополя в 1956 г.—Архив ГХМ, д. 730, л. 15, альбом, рис. 59.

¹¹ Жеребцов Е. Н. Отчет о реставрационных работах в 1956—1957 гг.—Архив ГХМ, д. 734, разд. 3, л. 7 сл.; Его же. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса.—ВВ, 1963, т. 23, с. 210, примеч. 17.

¹² Monumenta Asiae Minoris antiqua, passim; Frey J.-B. Corpus inscriptionum iudaicarum. Vatican, 1936.

¹³ Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965, № 735, 736, 746, 777, 1225; Керченский музей, инв. № К-3188—3191.

¹⁴ Евр. энц., 9, стб. 370 (ст. Катакомбы); 10, стб. 884 (ст. Менора).

¹⁵ Там же, 9, стб. 370. Ср. изображение рога на плитах из Керчи, инв. К-3189 и 3191.

¹⁶ Там же, 10, стб. 378 сл. (ст. Лулаб).

¹⁷ Там же, 9, стб. 370; Frey J.-B. Corpus inscriptionum..., N 30, 31, 53, 135.

¹⁸ Simonet F. Recherches sur le symbolisme funeraire des Romains. Paris, 1942, p. 219 сл., 239, 469, 481, примеч. 1 и 2.

¹⁹ Ср.: Frey J.-B. Corpus inscriptionum..., с. 502; Указ. выше памятники Боспора; Чуистова Л. И. Новые находки из некрополей Керченского п-ова.—МИА, 1959, N 69, с. 249, рис. 14; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 264 и рис. на с. 277; Фронджало М. А. Раскопки в Судаке.—В кн.: Археолог. исслед. на Украине. Киев, 1967, 1, с. 193.

²⁰ Frey J.-B. *Corpus inscriptionum...*, N 254, 283, 374, 382, 479, 578, 600, 646, 652.

²¹ Об изображении меноры (светильника) на налосе и ковчеге для свитков см.: Евр. энци., 10, стб. 884.

²² Жеребцов Е. Н. К изучению..., с. 209.

²³ По подсчетам Е. А. Савостиной в первые века нашей эры латинский элемент в Херсонесе составлял 20,6%. См.: Савостина Е. А. Римские имена в ономастике Северного Причерноморья.— СА, 1977, № 4, с. 139.

²⁴ Ср.: Z g u s t a L. Die verschiedenen Bevölkerungsschichten der griechischen Städte des nördlichen Schwarzmeergebietes.— Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. B., 1961, S. 159—163.